воплощенных в тексте объектах мира и их отношениях. В силу своей семантической емкости заглавие – субстантиват служит отправной точкой в процессах восприятия, понимания и интерпретации текста читателем.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Л., 1974.
2. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994**.**
4. Безобразова Л.Л. Синкретизм языковых единиц в композиции лирического стихотворения // Многоаспектность синтаксических единиц. М., 1993.
5. Болотнова Н.С. Проблемы речеведения: определение основных понятий и категорий коммуникативной стилистики текста // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки. Спецвыпуск. 2000.№3(9).
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
7. Змиевская Н.А. Лингвостилистические особенности дистантного повтора и его роль в организации текста (на материале англ. и амер. прозы): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1978.
8. Калечиц Е.П. О составе явлений, рассматриваемых как переходные в области частей речи // Переходность и синкретизм в языке и речи. М., 1991.
9. Кожина М.Н. Заглавие художественного произведения: Структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX-XX вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1986.
10. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
11. Копыленко О.М. Роль смысловой структуры текста в его понимании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975.
12. Кубрякова Е.С., Кизюкевич А.А. Некоторые особенности транспозиции прилагательных в существительные со словообразовательной точки зрения // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей. Владивосток, 1988.
13. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Изд-во Ось-89, 1999.
14. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ось-89, 2005.
15. Николина Н.А. Экспрессивные возможности транспозиций в речи // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. М., 1988.
16. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2007.
17. Руденко Л.П. Исследование вербализации замысла (на этапе внутренней программы речевого целого): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1975.
18. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. [МАС].
19. Степанова В.В. Заглавие как структурный компонент художественного текста: лингвистический аспект // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 26-28 февраля 2001 г.) /отв. ред. В.Д. Черняк. СПб. Изд-во «Союз», 2001.
20. Тюпа В.И. Аналитика художественного. М., 2001.
21.Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987.
22. Чижова В.А. Субстантивация прилагательных и причастий в современном русском и чешском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
23. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский [и др.] М., 1994.
24. Штайн К.Э. Синкретичные языковые явления в поэзии А.Блока // Переходность и синкретизм в языке и речи. М., 1991.

УДК 111.83:164.02

ВЕРА И ПРАЗДНИК КАК СИМВОЛЫ ЕДИНЕНИЯ И ЕДИНСТВА

Р.К.Омельчук[1]

Восточно-Сибирская государственная академия образования
664003, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9.

Исследуется проблема веры, которая осмысливается не как религиозный или гносеологический феномен, а бытийно-ценностно. Рассматривается взаимосвязь веры и праздника. Обосновывается, что вера реализуется через песню, танец, смех, дарение, мечту, отношение.
Библиогр. 14 назв.

Ключевые слова: онтология веры; символ; праздник; ценности; смех; единство.

FAITH AND FESTIVAL AS SYMBOLS OF UNITY AND CHIME

R.K. Omelchuk

East Siberian State Academy of Education,
9, Sukhe-Bator St., Irkutsk, 664003.

The paper examines the problem of faith, which is interpreted in an existential-value way but not as a religious or gnoseological phenomenon. The interrelation of faith and festival is considered. It is proved that faith is realized through the song, dance, laughter, donation, dream, and attitude.

[1]Омельчук Роман Константинович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин; тел.: 89086473994, e-mail: R.Om@list.ru
Omelchuk Roman, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Socio-Economic Disciplines, tel.: 89086473994, e-mail: R.Om@list.ru

14 sources.
Key words: ontology of faith; symbol; festival; values; laughter; unity.

Исследование веры в качестве символа – своеобразная попытка выстроить оригинальную концепцию феноменологии веры, представляющую сущность этого феномена на различных уровнях. Представление веры в качестве единства и единения – это только одно русло исследования, в ходе которого рассматривается цепочка символов, имеющих одностороннюю обусловленность. Вера, обладающая самостоятельной символичностью, направлена на символ, который, в свою очередь, является символом символа и т.д. Проникновение вглубь сущности символизируемого раскрывает сущностные характеристики самой веры. Рассматриваемая нами цепочка символов *вера – праздник – песня и танец – радость и смех – смысложенность* предполагает выявление истинного отношения, но оставляет без внимания его предмет. Единство и единение – таковы, на наш взгляд, основные характеристики веры, переносимые ею с её предмета, субъективность и уникальные качества которого либо неопределённы, либо не принимаются во внимание.

Вера как единение – это поиск истинных оснований бытия. Как правило, вопрос об истинном основании бытия возникает в тот момент, когда человек переживает нечто альтернативное тому, в чём он никогда прежде не сомневался. Принятие окружающей реальности не только как данности, но и как истины, определяющей личностные цели, ценности и смыслы, в определённый момент вступает в противоречие с переживаниями принципиально иного характера. Речь идёт не просто об опыте, но о личностном переживании, о переживании себя личностью. Такое углубление самоидентификации сопряжено с поиском каких бы то ни было оснований, не столько подтверждающих истинность переживания, сколько позволяющих сделать это переживание устойчивым. Праздник, на наш взгляд, символизируя стремление к истине, выступает тем основанием для переживания альтернативы данному, а потому неизбежно сопряжён с верой. Такая вера «есть опыт основания и пропасти вещи, опыт символа» [1, с. 53]. В этом случае праздник является одним из характерных для веры механизмов преемственности ценностей.

Сущность праздника. Праздник – это напоминание о высшем и совершенном, вдохновляющее человека вовлечь его эмоции, его интеллект и сознание в то истинное, что будет способствовать становлению самого человека истинным. Понятия *праздник* и *вера* во многом совпадают через призму этимологии английского слова holyday (святой день). Кроме того, Г. Марсель, например, отмечает «форму внутреннего соединения, или соединения вместе, которую предполагает вера» [2, с. 107], а современные исследователи феномена праздника отмечают интегративную функцию праздника: «Чтобы возник праздник, необходимо существование ценности, признанной в данной группе и выходящей за рамки праздника» [3, с. 50]. Праздник объединяет и сплачивает представителей группы, вера же связана с праздником через роль последнего в конструировании социальной идентичности. Так, принимая участие в празднике, человек идентифицирует себя с определёнными ожиданиями и реализацией определённых ценностей в собственной жизни, а сохранение праздничного настроения как поддержание такой идентичности есть принятие соответствующего социального порядка.

Наличность и повседневность противоположны самой идее праздника так же, как и люди, вовлечённые в будничную повторяемость. Именно будничная повторяемость является основной причиной возникновения скуки и потери личностного смысла. Скука, которая, по словам Л. Свендсена, «родственными узами связана со смертью» и «напоминает об отсутствии настроения» [4, с. 55, 184], – это фундамент бессмысленной и потому однообразной праздности. Праздник же, напротив, никогда не бывает одним и тем же, никогда не может быть спланированным, поскольку тогда он превратился бы в ритуал, в котором также может присутствовать будничная повторяемость. С другой стороны, праздник, подразумевающий общность личностей, их единение вокруг общей цели, общего смысла, общего настроения, обязательно есть оправданное ожидание. Парадоксальность праздника, допускающего возможность, с одной стороны, ожидаемого и, с другой стороны, неожиданного, является одним из признаков наличия бытийной веры.

В праздничном действе каждый знает то, как будет, но никто не знает того, как должно быть сейчас. Достигаемый совместными усилиями результат определяется не только общностью веры, но и взаимным доверием друг к другу. Как правило, любой праздник – это акт самопожертвования, акт служения, акт поклонения. Настоящий праздник возможен тогда, когда каждый его участник отказывается от своекорыстия и обыденного практицизма и целиком отдаётся тому, что принесёт благо всем вместе. В этом и проявляется тождественность онтологически понятых веры и праздника.

Сущность праздника не сводится к праздности в её обыденном понимании [5, с. 10], поскольку этимологическая связь *праздник – праздный – порожний* не сводится только к «пустоте» и «свободе от работы». *Порожний* в смысле *пустой* и *свободный от работы* имеет утилитарное и прагматичное понимание, которое совершенно игнорирует духовную составляющую праздника. При всём разнообразии праздников их суть, как правило, сводится к объединению людей вокруг идеи спасения, идеи освобождения, будь то праздник урожая, спасающий от бедности и голода, будь то праздник, связанный с рождением или уходом святого или героя, спасающего от страданий, будь то праздник Весны, Солнца, Огня, спасающих от холода и тьмы. Даже встреча Нового года – это в первую очередь праздник, который спасает, освобождает от всего того, что накопилось за весь год, и только потом праздник, который спасает, освобождает от тяжёлых

трудовых будней. Однако праздник всегда – это спасение от одиночества и бессмыслия.

Вера и праздник как бытийные символы. Праздник как событие также есть со-бытие – общение родственных душ в едином празднике души. Через праздник люди объединяются и только через это единение они достигают того, чего невозможно достичь поодиночке. Праздник в этом аспекте можно охарактеризовать как общение, под которым подразумевается не только коммуникация, но и обмен ценностями, стирающий разделение на «своих» и «чужих». Праздник же может быть «чужим», чуждым только для того, кто не хочет понимать или принимать его смысл. Понимание смысла праздника как такового – ключ к пониманию смысла вообще. Например, праздничный хоровод символичен и несёт в себе глубокий смысл: взявшись за руки, люди образуют круг – символ времени и вечности, символ перевоплощения и трансформации, символ Солнца и очищения. Участие в хороводе, сопровождаемое песнопениями и танцами, – это не просто приближение к истине бытия, это и есть истина бытия. Здесь не требуется искусственного выхода за пределы себя, поскольку в хороводе личность как раз и обретает сама себя: физически, ментально, эмоционально и вербально – личность целиком вовлечена в бытие смысла. Единение и гармонизация на уровне личности способствуют единению и гармонизации на уровне взявшихся за руки людей. В свою очередь, это становится основой для единения и гармонизации на уровне бытия сущего и бытия истины. В данном случае праздник выступает в качестве механизма бытийной веры: достигаемое посредством веры единение бытия сущего и бытия истины является целью праздника. Так, например, А. Ф. Лосев отмечает, что в дионисизме «происходит воссоединение человека с человеком и с природой» [6, с. 30]. Вера в Дионисия, личность которого символизирует присущие природе производительные силы, а также телесный экстаз и чувственную оргийность, приводит к единению и гармонии с природой, а также характерным для этого телесной силе, здоровью и красоте. Отсюда и определение А. Ф. Лосевым дионисизма как «религии тела» [6, с. 76]. Вера, таким образом, выступая в роли связующего звена, прозрачного символа, общего основания, объединяет между собой не только одного празднующего с другим празднующим, но и всех празднующих с носителем идеи и духа праздника – героя праздничного торжества, в честь которого он появился и продолжает существовать.

Достигаемое в празднике со-бытие подразумевает единение празднующих друг с другом, которое проявляется в песне, танце и настроении. Для А. Белого песня, которая не только живёт и зовёт, но которой живут и которую переживают, – это «весть о человеческом преображении» [7, с. 176]. Праздничная песня сама по себе является песней освобождения, в которой голоса празднующих сливаются воедино в прославлении самого ценного. Праздничная песня обязательно несёт в себе звуковой символ, раскрывающий смысл бытия истины в соответствии с ситуацией и наделённый энергией символизируемых архетипов [8, с. 296]. Танец дополняет праздничное действо тем, что в нём большее значение имеет не рациональное (например, понимание роли каждого участника, понимание значений их костюмов и смысла движений), а иррациональное. Иррациональным в праздничном танце является стремление удовлетворить, порадовать главного героя праздничного торжества, достигаемое посредством доверительного сотрудничества. Такое доверительное сотрудничество во многом характеризуется настроением почтения и уважения, а также повышенным вниманием как в отношении героя праздничного торжества, так и в отношении друг к другу. Для Й. Хейзинга в танце понятия праздника и игры, между которыми существуют самые тесные отношения, образуют наиболее полное внутреннее единство [9, с. 35, 36]. «Игра в соответствии с ролью», упомянутая нидерландским философом при анализе главы «Первобытные верования» книги Р. Р. Мэретта «The Threshold of Religion», – и есть то притворство, которое испытывает «дикарь», не обладающий верой [9, с. 37, 39]. Это настроение притворства, страха, подражания и характеризует человека как дикаря, а его веру как примитивную, однако, такой человек либо будет выведен из игры, либо несоответствие внешнего и внутреннего будет преодолено посредством трансформации примитивного верования в веру. Направленность и настроенность являются характеристиками вовлекающей в игру веры. Вживание в игру, когда игра становится жизнью, а вера – истиной, и есть то преодоление разделения понятий *быть* и *играть*, когда ценности, к которым устремляет человека вера, становятся его неотъемлемыми ценностями.

Так каждый участвующий в празднике становится частью приоткрываемой реальности, добровольно присоединяясь к ней посредством праздничных песни, танца и настроения. Таким образом, праздник сопровождается множеством переживаний в связи с сакральным, мистическим, духовным, что возвышает каждого человека, формируя его чистое и совершенное будущее. В празднике человек призван одновременно поклоняться, служить, жертвовать и в то же самое время переживать радость, испытывать удовлетворение, обмениваться положительными эмоциями.

Вера и смех: ценностный подход. Смех или радость являются обязательными атрибутами праздника. Д. С. Лихачев отмечал заключённые в смехе разрушительное и созидательное начала: с одной стороны, смех вскрывает бессмысленность и нелепость существующих в социальном мире отношений, с другой – смех созидает и раскрывает мир идеальной культуры с присущими ей идеальными отношениями [10, с. 343-345]. Созидательная функция смеха, который «всегда таит в себе мысль о соглашении, ... почти о заговоре с другими смеющимися лицами» [11, с. 13], – это смыслоценностный фундамент праздника. Смеющиеся обязательно должны иметь ценности одного порядка, поэтому праздничный смех всегда возвышает, а праздный смех, напротив, унижает. В смехе, как и в празднике, скрыто присутствует провозглашение определённой истины, поэтому присоединение к сме-

ху, вовлечение в праздник происходит под воздействием бытийно-ценностной веры. Такая вера, провозглашая абсолютную ценность одной истины, этим самым отвергает абсолютную ценность другой, поэтому и смех – это одновременно и утверждение, и отвержение каких-либо определённых ценностей. Праздничный смех – это всегда утверждение истинности тех ценностей и смыслов, носителем которых является вера, поэтому инициируемый верой смех свидетельствует о вовлечённости человека в её смыслоценностное поле. Можно заключить, что механизм смеха сводится к уравниванию ценностей смеющихся: присоединиться к искреннему смеху может только разделяющий веру.

Искренний смех не может быть обусловлен деятельностью разума, а связан исключительно с механизмами веры. Так, А. Г. Козинцев отмечает общность смеха и доверчивости, подчёркивая в последней оттенки глупости: «Смеясь, человек, в сущности, признаёт, что он в тысячный раз дал себя одурачить» [12, с. 17, 21]. Однако идея тесной взаимосвязи между верой, представленной здесь в качестве доверия, доверчивости, и смехом, представленным настроением игры, праздника, более глубока. Конечно, вера, отождествляемая с глупостью, воспринимается в качестве противопоставления разуму, рациональности. Бытийное рассмотрение взаимопроникающих веры и смеха – это вскрытие и выявление экзистенциальных ценностей, а также ключ к пониманию механизмов перехода от одних ценностей к другим. Разум предполагает обязательную формализацию мыслей, слов и действий, их воплощение в прозрачную и однозначную форму, которая совершенно не зависит от каких бы то ни было субъективных, личностных факторов. Вера, напротив, предполагает максимальную свободу от формы. Однако настроение и мотив, определяющие субъективное личностное отношение к объекту веры, сущностно включены в механизм веры. Вера направляет человека изнутри, на уровне тех ценностей, которые были приняты им экзистенциально, а не рационально: «мы становимся тем, что мы хотим и желаем, любим и ненавидим, что вспоминаем и переживаем, во что верим и о чём мечтаем» [13, с. 6].

Праздник, таким образом, представляет собой воплощение мечты в настоящем. Направленная в будущее мечта, как и вера, реализуется в поступках и делах – в этом её существенное отличие от бесплодной фантазии. Если вера и мечта связаны с достижением реальных целей и характеризуются готовностью совершать реальные усилия, то фантазия в большей степени концентрирует внимание субъекта на собственном статусе, затеняя и размывая очертания так называемой «желанной» цели. Фантазия обречена оставаться только фантазией из-за неадекватной оценки субъектом имеющегося у него потенциала и того результата, который ожидается им по прошествии определённого времени. Вера и мечта, хотя они и обладают вневременной природой, – более подходящие понятия для обозначения реализации поставленных целей в обозримом будущем. Так, Н. В. Омельченко, анализируя общее в сущности веры и мечты, выделяет следующие их характеристики: если мечта – это «догадка о глубинной сущности человека», «постоянство-в-становлении», которое «творит и креативно трансформирует» человека, то вера – это «известие» и «раскрытие», «сверхви́дение», дарующее «новое откровение бытия» и обладающее «креативным и энергетическим характером» [13, с. 6-8].

Связь веры с праздником, песней и танцем, смехом, мечтой раскрывается посредством их символичности. Вера, понимаемая в качестве личностного стремления к истине, есть единение в празднике, единение в песне и танце, единение в ценностях и желаниях. Символичность веры в данном случае первична по отношению к символам праздника, песни, танца, смеха, поскольку в противном случае эти понятия выступали бы символом веры и рассматривались бы уже не в онтологическом аспекте, а в религиозно-конфессиональном (например, христианский праздник, буддийский, мусульманский и т.д.). Первичность веры как символа определяет присутствие праздничного настроения даже в атмосфере обыденности и наличности: праздник настолько «заражает» верой и пропитывает ею человека, что даже после завершения праздника человек долгое время способен руководствоваться теми смыслоценностями, которые были пережиты им в праздник.

Итак, вера и праздник являются бытийными символами: вера посредством праздника и его существенных составляющих (песня, танец, смех, подарки) раскрывает внутренний мир человека как для него самого, так и для окружающих. Праздник, таким образом, представляет собой своеобразный тест, выявляющий «единомышленников», а точнее, «единоверцев», которые также принимают воплощённые в песнях, танцах, подарках, смехе смыслы и ценности. Однако нужно заметить, что единение и единство, достигаемые в вере посредством праздника, несколько условны. Как уже было отмечено, рассматриваемая нами цепочка символов *вера – праздник – песня и танец – радость и смех – смыслоценность* предполагает выявление истинного отношения, но оставляет без внимания его предмет, субъективность и уникальные качества которого либо неопределённы, либо не принимаются во внимание. В самом общем виде истинное отношение веры и праздника – это принятие смысла и ценности, данных праздником в качестве истинных. Царящее на празднике единство достигается только благодаря тому, что степень такого принятия каждым празднующим остаётся скрытой. А между тем конкретизация субъективности и уникальных качеств героя праздничного торжества выявляет и конкретную дистанцию между ним и каждым празднующим. Без осознания различных дистанций единение и единство были бы искусственными и ложными в плане конкретизации веры как символа.

Вера есть символ: с одной стороны, – это символ истины, с другой – это символ человека. Таким образом, вера как онтологический феномен представляется нам символом становления человека истинным символом человечности. Однако, по мнению П. С. Гуревича, «чтобы отыскать человеческое в человеке,

важно показать, каково отношение человека к бытию» [14, с. 7]. Именно поэтому перспективным направлением исследования веры в онтологическом аспекте представляется нам анализ отношения к истинному и дистанции с ним.

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект «Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей», грант № МК-2493.2011.6).

Библиографический список

1. Уколов К. И. Представление о религиозном символе в философии Пауля Тиллиха // Вестник ПСТГУ. Серия Богословие. Философия. 2008. Вып. 1(21). С. 43-60.
2. Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004. 224 с.
3. Карпова Г. Г. Праздник в контексте социальных изменений: традиция и власть. Саратов: Научная книга, 2008. 150 с.
4. Свендсен Л. Философия скуки. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 256 с.
5. Алексеевский М. Д. К семантике слова праздник в традиционной культуре Русского Севера // Русская диалектная этимология: материалы IV междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 22-24 октября 2002 г.). Екатеринбург, 2002. С. 80-82.
6. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. СПб.: Алетейя, 1993. 959 с.
7. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
8. Гулюта Ю. В. Онтологические основания символа в русской философской традиции // Философские дескрипты: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 4. С. 295-300.
9. Хёйзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий. Статьи по истории культуры. М.: Айрис-пресс, 2003. 496 с.
10. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси // Избранные работы. В 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 343-417.
11. Бергсон А. Смех. Сартр Ж.-П. Тошнота. Симон К. Дороги Фландрии. М.: Панорама, 2000. 608 с.
12. Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 236 с.
13. Омельченко Н. В. О значении мечты // Вестник ВолГУ. 2006. Сер. 7. Вып. 5. С. 5-8.
14. Гуревич П. С. Бытие человека // Философия и культура. 2010. № 8(32). С. 5-8.

УДК 811.112.2

ФОРМЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ В ИрГТУ

А.А.Плисенко[1], О.А.Побокова[2]
Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье речь идёт о деятельности факультета прикладной лингвистики и кафедры немецкого и романских языков по повышению мотивации в изучении немецкого языка и его популяризации в ИрГТУ. Разнообразные формы и виды работ, проводимые на кафедре в рамках проекта Немецкого культурного центра им. Гёте (г. Москва) «Учить немецкий – думать о будущем», способствуют повышению интереса и эффективности изучения немецкого языка студентами технического вуза.
Библиогр. 2 назв.

Ключевые слова: изучение немецкого языка; преподавание немецкого языка; образование; лингвистические конкурсы; мотивация; популяризация немецкого языка и культуры; профессиональная коммуникация.

FORMS TO ENHANCE MOTIVATION IN LEARNING GERMAN AND ITS POPULARIZATION IN THE NATIONAL RESEARCH IRKUTSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

A.A. Plisenko, O.A. Pobokova
National Research Irkutsk State Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074 Irkutsk.

The article focuses on the activities of the Department of Applied Linguistics and the Department of German and Romance languages to enhance motivation in learning the German language and its popularization in the National Research Irkutsk State Technical University. Various forms and kinds of works that are carried out by the department under the project of German Cultural Center named after Goethe (Moscow) " Learn German – think about future", contribute to the increase of the interest and learning efficiency of the German language by the students of technical universities.
2 sources.

Key words: learning the German language; teaching the German language; education; linguistic competitions; motivation; popularization of the German language and culture; professional communication.

[1]Плисенко Алевтина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкого и романских языков, тел.: (3952) 405438, 89027692134, e-mail: plisalja@mail.ru
Plisenko Alevtina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of German and Romance Languages, (3952) 405438, 89027692134, e-mail: plisalja@mail.ru
[2]Побокова Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры немецкого и романских языков, тел.: (3952) 405202, 89500840401. e-mail: olja@istu.irk.ru
Pobokova Olga, Senior Lecturer of the Department of German and Romance Languages, tel.: (3952) 405202, 89500840401. e-mail: olja@istu.irk.ru